

Цикл
Александра Чернова
ОДИССЕЯ КРЕЙСЕРА «ВАРЯГ»

Одиссея крейсера «Варяг». Чемульпо — Владивосток

Флагман владивостокских крейсеров

Из западни

Противостояние

Владивосток — Порт-Артур

Огненная купель Шантунга

Порт-Артур — Токио

Александр Чернов

ПОРТ-АРТУР — ТОКИО

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
Ч-40

Серия «Военная фантастика»

Выпуск 235

Иллюстрация на обложке *Владимира Гуркова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Чернов, Александр Борисович

Ч-40 Одиссея крейсера «Варяг»: Порт-Артур — Токио:
роман / Александр Чернов. — Москва: Издательство
АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2023. — 352 с. —
(Военная фантастика).

ISBN 978-5-17-153626-8

Если враг не сдается, его уничтожают. Или понуждают к миру, если не жажда мести и грабежа, а политический прагматизм и человеческая гуманность преобладают в числе побудительных мотивов побеждающей стороны.

Стяжав победу в генеральном сражении флотов у мыса Шантунг, избежав кровавых, разрушительных последствий гапоновской смуты, Санкт-Петербург неожиданно предложил Токио мир на почетных для побежденной стороны условиях. Однако великодушное предложение русских отклонено. Армейская верхушка добила от императора Муцухито решения продолжать сражаться. Первое серьезное поражение на суше, под Ляояном, не изменяет его позицию.

Но затягивание войны не в интересах России. И царь одобряет две дерзкие операции, предложенные штабом Тихоокеанского флота. Эскадрам Руднева предстоит атака фортов Токийского залива и высадка Гвардейского экспедиционного корпуса для взятия столицы Японии. В то же время тридцать торпедных катеров должны нанести удар по вражескому флоту прямо в его главной базе — Сасебо.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-153626-8

© Александр Чернов, 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2023

Ремейк книг Г. Б. Дойникова «„Варяг“ — победитель» и «Все по местам! Возвращение „Варяга“».

На основе оригинального таймлайна «Мир „Варяга“-победителя-2» (МВП-2).

Больше «Варягов»! Хороших и разных!

Г. Б. Дойников

Пролог

Порт-Артур, Корейский пролив. 31 декабря 1904 года

Сразу по приходе флота в Порт-Артур крейсера «Варяг», «Богатырь» и броненосец «Князь Потемкин-Таврический» встали под угольную погрузку. С ними вместе готовился к выходу в море «Орел». На трех кораблях в авральном порядке чинили боевые повреждения, а на вернувшиеся от Шантунга принимали припасы и грузили боекомплект. Двум броненосцам требовался доковый ремонт во Владивостоке, поскольку здесь, в Артуре, к установке доставленного «Камчаткой» нового батопорта дока пока даже не приступали.

Объяснялось это одним простым фактом — адмирал Макаров прекрасно понимал, что работы эти потребуют от четырех месяцев до полугода. Нужно было забить множество свай, осушить участок перед воротами, расширить вход в док и вновь сложить там гранитную кладку. Поэтому после генерального сражения, если таковое случится, флот рисковал остаться без дока в главной базе. Даже ущербного, подходящего максимум для крейсеров. Поэтому командующий решил с этим делом повременить.

Зато сейчас всю кипела авральная работа по достройке нового, большого дока, способного принимать не только эскадренные броненосцы, но и вообще любые корабли и суда водоизмещением до двадцати пяти ты-

сяч тонн, явно спроектированного «на вырост». Однако, несмотря на все прилагаемые усилия, его сооружение могло быть завершено лишь к началу лета. И это в самом лучшем случае. Если не стрясется чего-нибудь непредвиденного...

Тогда как «Князю Потемкину» требовалось «лишь» капитально заделать три подводных снарядных пробоины, на что нужно было буквально несколько дней, для того, чтобы привести «Орел» в относительную готовность к боевому походу после подрыва на mine, требовалась пара недель докового ремонта. Или кессон месяца на полтора, а то и поболее того. К сожалению, полный восстановительный ремонт броненосца, по оценке инженеров, требовал тех же полутора месяцев в том же Николаевском доке Владивостока. А туда после Шантунгского сражения выстроилась целая очередь из броненосцев и броненосных крейсеров.

Поэтому, как выразился Руднев, было принято «компромиссное от безысходности» решение: выгрузив на время перехода почти весь боезапас носовой башни главного калибра, сделать бетонировку в смежных с поврежденным отсеках, надежно подкрепив их силовой набор и переборки. После чего, усилив пластыри и дополнительно обтянув их цепями, довести увечный корабль до Владика, уповая на волю Всевышнего и благосклонность Нептуна. А там, в главной базе, оперативно подлатать броненосец до «временно боеспособного» состояния, с помощью лекальной деревянной заделки обеспечив его корпусу герметичность и восстановление внешних обводов.

Задача упрощалась тем, что взрыв мины частично пришелся на броневой пояс, который выдержал его. Пробоина же была ниже, в виде длинной, вдавленной в корпус щели, почти без «рванины» и выдранных листов. Однако до проведения полного восстановитель-

ного ремонта «Орлу» предстояло держать три носовых угольных ямы пустыми. Две со стороны левого, пробитого борта, и одну — с правого. А при необходимости часть угля принимать в батарею, в мешках...

Как только отоспались измотанные во время боя и блиппочки, лишенные не только заслуженного победного, но даже и новогоднего празднества команды, четыре корабля выбрали якоря. На «Варяге» вновь поднял флаг контр-адмирал Руднев, которого срочно затребовал к себе главнокомандующий всеми вооруженными силами на Дальнем Востоке адмирал Алексеев, перебравшийся во Владивосток вместе со своим походным штабом, дабы «не стоять над душой» и не мешать Гриппенбергу воевать. Евгений Иванович полностью доверял этому суровому и решительному генералу, а также новому начальнику штаба Маньчжурской армии Леониду Николаевичу Соболеву. Поэтому счел неоправданным давлением сам факт своего присутствия в Мукдене...

Но на начальство и судьбу-злодейку не роптал никто. Ни в кубриках, ни в кают-компаниях. Во-первых, война еще не закончилась, и как грустно пошутил по этому поводу сам Руднев: «ничего не поделаешь, железо нужно ковать, не отходя от кассы». А во-вторых, во Владик необходимо было срочно доставить группу раненых офицеров и матросов, нуждающихся в возможностях медицины, несколько отличных от условий осажденной неприятелем крепости.

Таковыми врачи признали около семидесяти человек. Среди них оказались контр-адмиралы Небогатов и Григорович, чье состояние врачи оценивали как тяжелое, но вполне стабильное, а также метавшийся в горячечном бреду комфлот, жизнь которого находилась в большой опасности. У Макарова гноилась рана на бедре, а после второй операции на руке, когда кроме оторванных осколком снаряда трех пальцев хирургам при-

шлось из-за некроза и угрозы гангрены отнять половину кисти, Степан Осипович был откровенно плох. Артурские эскулапы поначалу даже признали его нетранспортабельным.

Однако в Петербурге решили иначе: первая партия изготовленного, наконец, в лаборатории Вадика антибиотика, по всем прикидкам, оказывалась во Владивостоке на несколько суток раньше, чем в Артуре. К тому же у «Буракова» — главного порт-артурского средства курьерской доставки мелкой корреспонденции — в итоге постшантунгской беготни случилось повреждение в машине. Пришлось рисковать, поскольку в гонке наперегонки со смертью даже несколько упущенных суток могли оказаться решающей форой в пользу костлявой.

В адмиральском салоне «Варяга», во главе отряда из четырех кораблей на четырнадцати узлах идущего сквозь ночь и снежные заряды проливом Крузенштерна, сидели двое. Василий с Михаилом продолжали свой нескончаемый спор о судьбах России, об армии, о прошлом и будущем. В общем, о жизни. Они уже давно перешли на «ты», если рядом не было посторонних, и сегодня «добивали» тему о психологии на войне. Вернее, сегодня был бенефис Балка, постепенно, по мере увеличения количества выпитого, переходящий в монолог.

Монолог даже не Кола, начальника охраны крупного олигарха, а капитана спецназа ГРУ Колядина, которого в Чечне уважали и свои, и чужие. Михаил давно понял, что в определенные моменты у его наставника прорывается «первая» личность, и сейчас жадно, стараясь не перебить, не спугнуть, слушал голос человека из будущего. Он далеко не всегда и не со всем бывал с ним согласен, но считал, что обязан сначала выслушать сво-

его боевого друга до конца и только потом делать выводы, которые самому Балку иногда можно было и не озвучивать...

— Не... Не скажи, Миш, с «врожденным русским бесстрашием» ты не совсем прав... — Балк задумчиво, со смаком затянулся папироской. В тепле, чистоте и уюте слегка подрагивавшего на экономичном ходу крейсера было комфортно, и Василий полностью расслабился, наверное, в первый раз после выхода бронепоезда из Владивостока. — Абсолютно бесстрашный человек — это кандидат в психушку. Почему?.. Ну, во-первых, страх, он есть у всех. Это примитивная биология, вернее биохимия даже. Поэтому бесстрашных не бывает.

— Ну, это тривиально, — не удержался при высказывании такой банальности Михаил. Он ожидал от пришельца из будущего чего-то более оригинального.

— Тривиально, не спору. Но необходимо для последовательности... Во-вторых, для его преодоления у нас существуют, — усмехнулся Балк, загибая пальцы, — пункт «А» — аппарат, вся иерархия начальства сверху донизу, которая осуществляет пункт «Б» — систему подавления страха. Тут вам и примеры из истории, и страх наказания. Помнишь, у Фридриха, который типа Великий: «Солдат должен бояться палки фельдфебеля больше, чем пули врага». Тут вам и раздача красивых железок — цапек в форме орденов и медалей. И, конечно, экономическое стимулирование.

— Какое экономическое стимулирование может быть на войне? — немного не понял полет мысли собеседника Михаил.

— Здесь-то как раз куча вариантов, от старого доброго «три дня на разграбление города» до современных мне «боевых», «командировочных» и прочих денежных добавок-надбавок. Хотя русский солдат, по сравнению с зарубежными коллегами, этим весьма неизбалован.

В-третьих, немаловажную роль играет степень обученности индивида. Ну и прочие сопутствующие ей факторы: вера в командира, вера в свое оружие, вера в своих товарищей. И еще, на уровне фона, вера в правоту своего дела. Пусть даже и с религиозным подтекстом, как здесь у вас практикуется. Если такое осознание присутствует на самом деле. Ведь и иначе бывает...

В паузах монолога Балк успевал подливать себе красное вино, до которого в окопах на перешейке руки не доходили с месяц.

— В-четвертых, организм наш, он и сам борется со страхом, ибо полное подчинение ему, как правило, приводит к самым печальным последствиям. Наша тушка это прекрасно интуичит, адреналин выделяется в лошадиных дозах. И вот тут, с моей точки зрения, как раз самое интересное. Ибо те индивиды, у которых этой реакции на страх не было, вымерли, еще когда наши предки скакали по деревьям. Итак, страх... Как люди его пережевывают и во что это выливается? Попробую, пожалуй, для наглядности объяснить тебе графически.

Откуда в руке бывшего спецназовца возник карандаш, Михаил опять не заметил. Эта особенность моторики Василия — делать простые вещи мгновенно и незаметно — в очередной раз ненавязчиво напомнила великому князю о том, с кем он имеет дело. Рука непроизвольно потянулась почесать шрам на правом бедре...

Балк тем временем уже увлеченно что-то черкал на подвернувшейся салфетке.

— Возьмем горизонтальную ось, определяющую поведение человека в бою. Слева пусть будут животный страх и ужас, до полного паралича и ступора. Лучше всего в литературе это состояние было описано у одного американца¹ (я его еще пацаном читал), когда молодой

¹Норман Мейлер «Нагие и мертвые».

парнишка усрался под первым минометным обстрелом. Это его, впрочем, не спасло от осколка в череп.

Правый край — абсолютное бесстрашие. В реале такого не бывает, или это психическая патология, но допустим. Лучше всего иллюстрируется другим американским полковником в некоем фильме¹, который ты, к сожалению, посмотреть не сможешь. Тот янки, опять же под минометным обстрелом, устроил серфинг — это катание на досках по волнам. Классная, кстати, штука. Гавайцы придумали, может, слышал? Ну, будет время, покажу...

Значит, здесь, строго посередине, у нас с тобой будет точка «идеального солдата» — страх полностью уравновешен системой воздействия на него и собственным адреналином. Все остальные состояния — производные по оси в обе стороны.

Да, еще раз повторюсь, это мое собственное, доморощенное суждение... Так вот, по моей версии и по моим же многочисленным наблюдениям, до, во время и после боя среди русских солдат доля усаившихся крайне мала — не более одного-двух процентов. Она не сильно, как я заметил, зависит от того, какой это солдат и из какого он времени: срочник, «контрабас», ротный из Афгана или первой моей «пластилиновой» войнушки. Ну или тут: рядовой запаса Сибирского полка, казак или гвардеец.

Не делай круглые глаза, Миша. Название как название. Пластилин — это не только детская мягкая хрень, типа глины с воском, для лепки фигурок всяких и солдатиков. Это еще и их чеховская горная грязь, которую отмыть и отстирать — ума дашь. А еще их жвачка из местной дурман-травки, по консистенции она примерно такая же, многие там баловались... Про пластит, та-

¹ «Апокалипсис сегодня» Френсиса Копполы.

кую же липкую на ощупь, легко формующуюся пальчиками гексогеновую взрывчатку, которая, кстати, нам и тут очень понадобится, я скромно умалчиваю... Чехи? Да чеченцы, кто ж еще...

Так... Далее, от усравшихся вправо. Скажем так, относящихся к левой четверти оси, от полных штанов дерьма к просто трусливым. Таких у нас, как правило, не более десяти процентов, чаще меньше. Основная же часть русских солдат во все времена находится в диапазоне «осторожный — отчаянно храбрый».

И после того, как я это увидел и прочувствовал сам, и там и тут, появилось у меня твердое убеждение в непобедимости России. Это не патриотический треп, поверь мне, это твердая уверенность. Да, нас можно поколотить, и даже сильно. Но победить — нет. Или очень ненадолго, если быстро успеть припугнуть и облапошить наших вождей на мирных переговорах. Ну, это, по-моему, еще Суворов говорил. Или Фридрих?..

— Василий, а монголов ты за скобки своей философии выносишь? Они вообще-то с Руси дань триста лет собирали, — улыбнулся Михаил.

— Тогда раздробленная на княжества Русь еще не совсем Россией была. Но даже тогда, в том, клиническом случае, чем все кончилось? Сначала эти монголы не только Русь, но всю Азию как нож сквозь масло прошли да раком поставили, а затем еще и две трети Европы до кучи. И что? Следующие триста лет Русь медленно, но верно откусывала от бывшего татаро-монгольского мира по кусочку. Только и осталось от них, что сама Монголия в составе, кстати, Китая. И татары в Крыму да в Казани под властью Белого царя и вполне лояльные граждане нашей империи... Россия вообще у меня в тройке стран состоит, куда с вооруженной силой лучше не лезть никогда, никому и ни при каких обстоятельствах.

— А кто еще в эту тройку входит?

— Вьетнам и Афганистан. Там кто только зубы не пообламывал, и еще обломает. Хотя это сейчас не в тему, но на будущее: в Афгане нам нечего с англичанами делить. Пусть господа цивилизаторы сами огребают.

Теперь про себя. Ты же про личные впечатления «иновременянина» спрашивал? Когда я ехал «за ручей» в первый раз, конечно, боялся смерти, но контролировал себя. Только был еще один страх... И боялся я тогда, Миша, гораздо сильнее, чем смерти, что окажусь полным говном. То есть я боялся себя, боялся, что окажусь тем, кого сам потом уважать не смогу.

И когда я понял, выяснил, что хренушки! Все я могу, и не усираюсь под обстрелом, и адекватно реагирую на обстановку, и могу команды слышать и исполнять, да еще и сам командовать и добиваться от моих бойцов исполнения, да еще и правильного в сложившейся ситуации...

Тут, Мишаня, меня такая эйфория прошибла — просто не описать. Кстати, ее тоже надо победить, причем очень и очень быстро. Потому как именно в таком вот состоянии бешеного куража, как я понимаю, и начинается тот самый серфинг под минометами. Из-за нее, эйфории этой, погибло гораздо больше мужиков, чем усравшихся на дне окопа от случайного попадания...

Михаил привычно пропустил мимо ушей фамильярность: он прекрасно понимал, что вспоминая о *том* времени, Василий автоматически переходил и на *тот* стиль общения. Гораздо менее формальный.

— Кстати, понять, из чего у тебя яйца, как говорится в американской же поговорке, можно только таким образом, и никак иначе. Только под обстрелом. При чем не любым, не учебным, а когда знаешь, что в тебя сядят всерьез, и сядят с глубоким, искренним желани-